

Об использовании гендерно маркированной конфликтотенной лексики в художественном тексте

В.И. Коваль¹, О.Л. Ючко²

В статье рассматривается употребление в художественных текстах гендерно маркированных лексем, которые создают условия для возникновения конфликта. Представлен анализ феминных и маскулинных конфликтотенных слов, использующихся в ситуациях эмоционального напряжения. Определены речевые ситуации продолжения или прекращения использования конфликтотенной лексики в тексте.

Ключевые слова: оценочная лексика, гендерная лингвистика, конфликт, художественный текст.

The use of gender-marked lexemes in literary texts that create the conditions for conflict is discussed. The analysis of feminine and masculine conflictogenic words used in situations of emotional stress is presented. The speech situations of the continuation or termination of the use of conflictogenic vocabulary in the text are defined.

Keywords: assessment vocabulary, gender linguistics, conflict, art text.

Сюжетообразующая роль конфликта, под которым обычно понимается «столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов» [1, с. 174], очень высока: «Сюжет нельзя понимать только как некую последовательность, некий корпус событий и ситуаций: собственно сюжетом они становятся благодаря конфликту; только конфликт сообщает динамическое начало последовательности частных событий и ситуаций, создает содержание художественного текста» [2, с. 101]. Речевым выражением конфликта является «конфликтный текст», вербализующий «ситуацию столкновения двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия [3, с. 30].

Среди различных типов конфликтов – внутренних и внешних, открытых и закрытых, конструктивных и деструктивных, объективных и субъективных – особое место занимают конфликты, обусловленные гендерными различиями и связанными с ними противоречиями. В философском аспекте, однако, эти различия не без оснований рассматриваются как симметричное «единство противоположностей», поскольку мужское и женское начала являются взаимодополняемыми. Вместе с тем, гендерный конфликт все же неизбежен, и причина его заключается в исторически сложившемся социальном неравенстве: «матриархат и патриархат наиболее ясно выражают две модели системного неравенства по гендерному основанию» [4, с. 89].

В связи со сказанным вполне закономерно предположить, что гендерно маркированные лексемы, употребленные в том или ином художественном тексте, могут являться потенциальными лексемами-«конфликтотенными», поскольку они выполняют роль оценочных (чаще всего – негативно-оценочных) номинаций.

Как известно, гендерно маркированная лексика в той или иной степени отражает стереотипные представления о социальных ролях, качествах характера и взаимоотношениях мужчин и женщин. Так, традиционно считается, что мужчины обычно склонны к занятиям спортом, мало беспокоятся о собственной внешности и почти не боятся старости, стремятся к власти, лидерству и успеху. Стереотипно мужские качества вербализуются при этом набором определенных аксиологически значимых имен прилагательных: *сильный, неэмоциональный, стойкий, логичный, рациональный, объективный, независимый, свободный, активный, честолюбивый*. В то же время женщины характеризуются как не склонные к занятиям спортом, беспокоящиеся о своей внешности, боящиеся старости, проявляющие привязанность к семье, обладающие тонкой интуицией, нуждающиеся в защите и поддержке. Стереотипно феминные качества определяются перечнем соответствующих адъективов: *слабая, добродетельная, эмоциональная, нежная, легкомысленная, непоследовательная, уступчивая, услужливая, зависимая, пассивна, робкая, застенчивая* [5, с. 11].

Приведенные адъективные номинации, указывающие на гендерную идентичность, вполне объективны и поэтому, будучи использованы в художественном тексте, проявляют незначительный «конфликтотенный потенциал». Гораздо большую конфликтотенную нагрузку приобретают гендерно маркированные имена существительные, обладающие (как в прямом, так и в переносном значении) ярко выраженной негативно-характеризующей функцией.

Цель данной работы заключается в выявлении роли гендерно маркированных лексем в создании конфликтных ситуаций, представленных в различных художественных текстах.

«Феминно ориентированные» конфликтотенные номинации используются в художественных текстах для уничижительно-оскорбительной характеристики внешнего вида и внутренних качеств женских персонажей.

Подобными номинациями насыщен рассказ А.П. Чехова «Дочь Альбиона», в котором помещик Иван Кузьмич Грябов презрительно отзывается о находящейся рядом с ним на рыбалке гувернантке-англичанке, называя ее словами, соотносящимися прежде всего с демонической, потусторонней сферой: *Плохо что-то сегодня ловится. Ничего не поймал ни я, ни эта кикимора; О женихах, небось, мечтает, чёртова кукла; Вчера в Хапоньеве преосвященный служил, а я не поехал, здесь просидел вот с чертовкой с этой.* Слово *кикимора* в русском языке употребляется не только для названия мифологического персонажа – злого духа в образе маленькой старушки, досаждающей по ночам хозяевам, причиняющей вред домашним животным и птицам, но и для характеристики неряшливой, неопрятной, сварливой женщины. Кроме того, Грябов характеризует англичанку и по ее умственным способностям, используя стереотипное в этом случае слово *дурища*, образованное от просторечной номинации *дура* ‘глупая, тупая женщина’ при помощи увеличительно-пренебрежительного суффикса *-ищ(а)-*: *Живет дурища в России десять лет, и хоть бы одно слово по-русски!* Общеотрицательное значение реализует и номинация *каналья* ‘плутовка, пройдоха’: *Стоит, каналья, и сознает, что она человек и что, стало быть, она царь природы.* Так же презрительно оценивает помещик и внешность мисс Тфайс: *Для детей только и держу этого тритона. Нос точно у ястреба... А талия? Эта кукла напоминает мне длинный гвоздь.* Слово *тритон* ‘хвостатое земноводное животное, по виду похожее на ящерицу’ используется по отношению к женщине в данном случае, скорее всего, для возникновения сниженных, негативных ассоциаций, связанных не только с внешностью, но и внутренним миром англичанки. Очевидно к тому же, что характеристики «женщина = кукла», «женщина = длинный гвоздь» лишают гувернантку привлекательности. Несмотря на обилие представленных в тексте негативно маркированных феминных номинаций, их употребление не приводит к возникновению конфликтной ситуации, поскольку гувернантка не владеет русским языком. Она, понимая, видимо, негативное отношение к ней помещика Грябова, лишь внешне, невербально выразила свое отношение к ситуации: *Мисс Тфайс облила Грябова презрением и издала носовой звук.*

Гендерно маркированную номинацию *кикимора* употребляет в пьесе А.П. Чехова «Юбилей» бухгалтер банка Хирин, выпроваживающий непрошенную посетительницу – жену губернского секретаря Мерчуткину: *Я тебе еще раз говорю... Слышишь! Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру! У меня такой характер, что я могу из тебя на весь век калеку сделать!* В данной ситуации, как видим, степень конфликтотенности лексемы *кикимора* значительно возрастает, поскольку вербальная угроза сопровождается угрозой физической расправы. Мерчуткина, однако, не только не усугубляет конфликтной ситуации, но и отвечает Хирину уничижительной для него – образованного человека, служащего банка – обидной номинацией *мужик*, имеющей переносное значение ‘невоспитанный, грубый мужчина’: *Собака лает, ветер носит. Не испугалась. Видали мы таких. Я не чужое прошу, а свое, по закону. Ишь срамник! В присутственном месте в валенках сидит... Мужик...*

Употребление слова *кикимора* ‘неопрятная, сварливая женщина’ в «интерфеминной» коммуникации создает ещё больше оснований для возникновения конфликта. Так, в рассказе М. Зощенко «Валя» интеллигентная женщина, «член райсовета», обращается к кондуктору трамвая с просьбой сообщить свою фамилию для того, чтобы отметить ее хорошую работу. Однако кондуктор, не зная о ее благих намерениях, отвечает ей в непозволительно-грубой

форме, употребляя наряду со словосочетанием *старая кикимора* не менее сниженный оборот *старая хрычовка*: *Милая кондукторша изменилась в лице. Сначала покраснела, потом побелела и вдруг крикнула: «А тебе на что моя фамилия? Ты что, старая кикимора, не в своё дело нос суёшь? Или ты хочешь сказать, что я неправильно сделала, что пьяного в вагон пустила? Так я тебе, старая хрычовка, на это скажу: лучше бы я тебя в вагон не пустила, чем я бы оставила немного выпившего на улице... Убедившись в дальнейшем в собственной неправоте, кондуктор извиняется и тем самым исчерпывает конфликт.*

Тимофей, герой рассказа В.М. Шукшина «Билетик на второй сеанс», разговаривая со своей сожительницей Полиной, считает, что ее ограниченность – черта всех женщин: *Поля стала старая, некрасивая. Тимофей со злости подумал: «Она красивой-то и не была сроду». Стало вдруг жалко себя. – «Хошь, анекдот один расскажу?» – Вона! – Чего ты, как попка, заладила: «Вона! вона!». Как дикари, честное слово. Ну, зашел... Ну и что? Глупые вы какие-то, бабы, честное слово! – Чего же ходите – к глупым-то? – А где вас, умных-то, взять? Так и меняешь – шило на мыло. Лишь после повторного унижения – замечания Тимофея о том, что его «сударка» некрасивая и у нее кривые зубы – Полина огрызается, употребляя «стереотипно мужское» оскорбительное словосочетание козел вонючий и угрожая Тимофею физически – применением сугубо женского предмета домашней утвари: *Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни – и образование, и оклад дармовой, и сударка пригожая, с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гнильцой... – Во змей-то! – изумилась Поля. – Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной... Умник!**

Унижающее женщин гендерно маркированное обобщение использует еще один шукшиновский персонаж (его сестра родила вне брака), считающий, что все женщины склонны к греховному поведению: *«Что же вы такие, Света?» – спросил Костя как можно спокойнее. И сжал трубку, аж пальцы побелели. – «Какие?» – удивилась Света. – «Да лахудры-то такие... Что, совсем, что ли, дуры полные?». Света положила трубку (В.М. Шукшин. Други игрищ и забав). Сравн.: *лахудра* ‘женщина легкого поведения, проститутка’ [6, с. 488]. Безосновательное использование приведенной номинации, казалось бы, создает реальную почву для конфликта (хотя бы вербального), но, как и в предыдущих ситуациях, женщина в данном случае предпочитает усугублению противостояния пассивное сопротивление.*

Стилистически сниженную вульгарную номинацию *курва* ‘женщина легкого поведения, блудница’ [7, с. 135]; ‘потаскуха’ [8, с. 423] употребляет в адрес своей тещи Вениамин – главный герой рассказа В.М. Шукшина «Мой зять украл машину дров» в ответ на использование женщиной в его адрес конфликтогенных гендерно маркированных номинаций *молокосос* и *сопьяк*: *«Молчать! – строго осадил Лизавета Васильевна. – А то договоришься у меня! Молокосос. Сопьяк». Веня взмыл над землей от ярости... И сверху, с высоты, окружил ястребом на тещу. – «А ты чего это голос-то повышаешь?! Ты чего тут голос-то повышаешь?! Курва старая» – «Так... Как ты сказал? Курва Хорошо! Курва?.. Хорошо. При свидетелях». – Она побежала в горницу – писать заявление в милицию. – Ты у меня получишь за курву! – громко, с дрожью в голосе говорила она оттуда. – Ты у меня получишь!.. Я первые колхозы создавала, а ты мне – курва!» В приведенном фрагменте «потерпевшая сторона», как видим, использует не вербальную агрессию или угрозу физического воздействия, а прибегает к разрешению конфликта с помощью «третьей стороны» – милиции.*

«Маскулинно ориентированные» конфликтогенные номинации употребляются в художественных текстах с целью «дискредитации» стереотипно мужских качеств персонажей – мужественности, зрелости, взрослости, смелости, решительности и «приписывания» мужским персонажам тех или иных проявлений женственности.

В качестве выразительного примера использования подобных лексем может быть приведен текст известной песни «Из-за острова на стрежень...», автором которого является Д. Садовников. Начало этого текста не предвещает ничего трагического, поскольку картина представляется идилличной: *На переднем Стенька Разин, обнявшись, сидит с княжной, // Свадьбу новую справляет, сам весёлый и хмельной... Но далее внезапно назревает конфликтная ситуация, «спусковым механизмом» которой является слово *баба*, обращенное к самому*

Разину: *За спиной он слышит ропот: «Нас на бабу променял. // Только ночь с ней провозился – сам наутро бабой стал».* Совершенно очевидно, что боевые соратники Разина говорят ему весьма нелицеприятные слова, которыми недвусмысленно унижают и даже оскорбляют его мужское достоинство, сравнивая свободолюбивого казака с женщиной / бабой, в любовной зависимости от которой он оказался. Таким образом, Степан Разин – казак, мужчина-воин, и тем более – казачий атаман, воплощающий стереотипные мужские качества, оказывается публично обвиненным в поведении, характеризующимся зависимостью от женщины, что, несомненно, дискредитирует его не только как мужчину, но и как руководителя восстания. Трагическая развязка «гендерной противопоставленности» общеизвестна: «грозный атаман» по-мужски решительно, но очень жестоко восстанавливает свой авторитет ценой жизни женщины: он бросает «красавицу-княжну» «в набежавшую волну», однозначно доказывая тем самым, что он – настоящий мужчина, казак и что он «бабой» не стал. Несомненно, что источником возникшего конфликта стало отождествление (применительно к мужчине) концептов «казак» и «баба», каждый из которых в русском культурно-языковом сознании соотносится с набором специфических, гендерно значимых характеристик. Как известно, слово *баба* используется в просторечии (с оттенком пренебрежения) для названия «женщины вообще». Но «гендерная специфика» данного слова заключается в том, что оно в переносном значении употребляется для характеристики лиц мужского пола, реализуя при этом негативно окрашенное (сопровождающееся стилистическими пометами «разговорное», «презрительное») значение ‘о слабом, слабохарактерном мужчине’ (БТСРЯ, с. 54). Не случайно Сергей Паратов, отвечая на вопрос Ларисы Огудаловой о том, почему в любви приходится плакать не мужчине, а женщине, поясняет: *Очень просто, потому, что если мужчина заплачет, так его бабой назовут, а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может избреть ум человеческий* (Н. Островский. «Бесприданница») [5, с. 135–136].

Один из персонажей гоголевских «Мертвых душ» – помещик Ноздрев – называет своего зятя Мижучева *фетюком*, имея в виду демонстрируемую им зависимость от молодой жены. Зять, желая поскорее покинуть застолье у Ноздрева, объясняет свое желание необходимостью скорейшей встречи с женой: *Нет, брат! Она такая почтенная и верная! Услуги оказывает такие... Поверишь, у меня слезы на глазах. Нет, ты не держи меня; как честный человек, поеду.* Уступая ему, Ноздрев говорит: *«Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!».* В этом же фрагменте произведения приводится следующее «гендерно маркированное» примечание самого Н.В. Гоголя: «Фетюк – слово, обидное для мужчины, происходит от фиты – буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою». Унизительным для мужчины является и употребленный в его адрес оценочный глагол *бабиться* ‘вести себя подобно женщине; быть в зависимости от женщины’. Мижучев, осознавая конфликтогенность диалога, вполне спокойно, примирительно реагирует на оскорбление Ноздрева и снова ссылается на высоко оцениваемые им качества супруги: *«Нет, брат, ты не ругай меня фетюком, – отвечал зять, – я ей жизнью обязан. Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... до слез разбирает; спросит, что видел на ярмарке, нужно все рассказать. Такая, право, милая...».*

В отношениях между Семеном Давыдовым и Макаром Нагульновым – героями романа М. Шолохова «Поднятая целина» – роль конфликтогенной номинации выполняет слово *барышня* в значении ‘изнеженная, не приспособленная к труду девушка; белоручка’, которое в ходе спора сгоряча употребляет Давыдов для характеристики поведения своего друга – активного участника Гражданской войны, бывшего командира Красной Армии, орденоносца. Конфликта друзьям удастся избежать благодаря тому, что Семен Давыдов предусмотрительно «берет назад» оскорбительное для казака Нагульнова слово *барышня*, то есть фактически извиняется перед ним: *«Проморгали все мы эту кампанию, а теперь надо исправлять, не о расстрелах говорить! Хватит тебе истерики закатывать! Работать берись! Барышня, черт! Хуже барышни, у которой ногти крашенные!»* – *«У меня они кровью крашенные!»* – *«У всех так, кто без перчаток воевал, факт!»* – *«Семен, как ты можешь меня барышней прозывать?»* – *«Это к слову».* – *«Возьми это слово обратно», – тихо попросил Нагульнов. Давыдов молча посмотрел на него, засмеялся: «Беру. Ты успокойся, и пойдём на собрание».*

Таким образом, негативно коннотированные гендерно маркированные номинации регулярно используются в художественных текстах, выполняя роль «точки отсчета» в создании конфликтных ситуаций. При характеристике женских персонажей подобные номинации уничижительно оценивают внешность, внутренние качества и поведение женских персонажей; употребление таких слов при оценке мужских персонажей направлено либо на отождествление их поступков с поведением женщин, либо на указание на зависимость от женщины.

Литература

1. Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
2. Семенов, А.Н. К проблеме конфликта художественного текста / А.Н. Семенов // Вестник Югорского государственного университета. – 2011. – Вып. 1 (20). – С. 101–106.
3. Тубалова, И.В. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 377. – С. 30–35.
4. Луков, В.А. Гендерный конфликт: система понятий / В.А. Луков, В.Н. Кириллина // Гуманитарные науки : теория и методология. – 2005 – № 1. – С. 86–101.
5. Коваль, В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики : монография / В.И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 217 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Изд-во «Наука», 1981. – Вып. 8. – 351 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.

¹Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

²Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 11.04.2020